

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

Молодой Ленинград*53

Издательство ЦК ВКЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
Ленинград, 1953 г., 530 стр.
Тираж 15 000 экз.
Цена 9 р.20 к.

Редколлегия: М.В. Андреев,
И.Я. Бражнин, Н.Л. Браун,
В.П. Воеводин,
М.С. Довлатова,
Н.А. Морозов,
В.А. Рождественский,
Т.К. Трифонова,
А.А. Хршановский
Ответственный редактор
Н. Ходза
Художник-редактор Г. Левин

Репродукции с дипломных
работ выпускников

Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина,
В.Ф. Чекалова, Б.М. Лавренко, Б.В. Корнеева, М.И. Меньшикова,
И.А. Чарской, Д.Б. Боровского, В.П. Селезнева

Стихи: Александр Соколовский, Петр Кобраков, Николай Филиппов,
Владимир Чернявский, Владимир Максимов, Владимир Торопыгин,
Эдуард Талунтис, Виталий Шевченко, Владимир Гнеушев,
Виталий Парфенов, Людмила Барбас, Яна Часова, Розалия Амузина

Проза: Ю. Принцев (сценарий), Анатолий Ефимов, Александр Володин,
Ричи Достян, Рытхэу (перевод с чукотского А. Смоляна), Борис Раевский,
Николай Сладков, Александр Орлянский, Лев Варустин, Александр
Власов, Илья Туричин (пьеса), Север Гансовский, Эдуард Шим

Публицистика: Ричи Достян, Игорь Коссаковский, Сергей Напалков,
Юрий Литугев, Галина Зыбина

РОЖДЕНИЕ ЗВЕРЯ (отрывок из рассказа)

Колхозники-аджарцы нашли в лесу волчью нору. В норе было шесть волчат. Одного я взял к себе.

Волчонок, совсем крохотный, весь поместился на ладони. Холодным носом он тыкался в руку и тоненько скулил. Я дал ему рожок с молоком; он жадно зачмокал. Насосавшись, притих и заснул у меня на коленях.

Так я стал волчонку приемной матерью.

Задумал я приучить его и воспитать, как собаку. Волчьей повадки он еще не успел перенять. Хищничать из-за еды ему не нужно. Расти будет не на волчьем, а на овечьем молоке. Неужели из этого милого пузатенького волчонка все равно вырастет лютый волк?

Назвал я его – Гель. Место ему отвел в углу, на матрасике.

Гель рос быстро. Такого ласкового и послушного щенка я еще не встречал. Никто не хотел верить, что этот веселый пузан с глуповатыми и добрыми глазами – волк.

Жил я тогда высоко в горах. Там и летом ночи холодные. Спал, укрываясь буркой.

Продрогнув ночью на своем матрасике, Гель вскакивал на топчан и устраивался у меня в ногах. Потом тихонько лез под бурку все дальше и дальше. К утру он оказывался у меня на груди и тыкался холодным носом прямо мне в шею. Глаза сонные, ласковые. Посмотришь в них – и рука не поднимается прогнать.

Малейшее его чувство отражалось у него в глазах.

Они сияли и чуть не сыпали искры, когда Гель прыгал, играл. Они испуганно косились, когда Гель спасался от ручного ворона, жившего во дворе и любившего ловить волчонка за хвостик. Они бывали хитрые-прехитрые, когда, уткнув нос в замочную скважину, где хранились печенье и сахар, Гель смотрел на меня и умильно вилял хвостиком.

И я понимал Геля «сполглаза». Загляну в глаза – и знаю, что-то напраказил Гель... И точно – бежит сосед, жалуется: «Опять ваш щенок виноград с нижних лоз объел!»

Окружающий мир Гель познавал чутьем. У жуков, у цветов, у трав он спрашивал: «Кто вы?». А потом глазами спрашивал у меня: «Что делать?».

Я радовался: Гель рос домашней собакой, послушной и умной, до конца преданной хозяину.

Но случай перевернул все.

Однажды, проходя с Гелем мимо куста рододендрона, я заметил, как дрогнули метелки травы. Гель, привыкший все узнавать носом, сунулся вперед.

– Назад! – резко крикнул я ему.

Гель остановился, взглянул вперед, вздрогнул – и замер.

В траве свернулась большая, толстая гадюка-носорог. Змея заглатывала пойманную птичку. Она вытягивалась, опять свивала тело в кольца, целиком отправляя добычу себе в рот. Ее шея безобразно раздулась. От непомерного напряжения кончик хвоста ее мелко-мелко дрожал. Тени двух ее врагов – человека и волка – легли на землю. А она не могла ни уползти, ни защититься ядовитыми зубами. Она извивалась на месте и медленно заглатывала добычу.

Я подумал: «Что чувствует сейчас это существо?»

Чувства Геля я узнавал по его глазам.

Я присел и заглянул в глаза гадюки. Я ожидал увидеть в них боль, страх, злость. И не увидел ничего. Пустые глаза. Желтые, с узкими черными зрачками. Мой взгляд уперся в них, как в камень. По ним нельзя было узнать, почему змея свивает и развивает свое тело, почему у нее мелко-мелко дрожит хвост, и что она чувствует.

Гель, все время в упор глядевший ей в глаза, поднял голову. Я вздрогнул: на меня пристально смотрели зрачки зверя! В них ничего не осталось от прошлого, щенячьего. Глаза были злые и мерцающие.

– Гель! – позвал я. Мне хотелось поскорей вернуть моего ласкового, добродушного щенка.

Волчьи глаза дрогнули. Но тень набежала на зрачки – свет их померк. Гель удивленно смотрел на меня, будто впервые. Я остро почувствовал – связывающая нас нить порвалась, мы перестали понимать друг друга. Он вдруг все окружающее понял уже не по-моему, а по-своему, по-звериному. В нем внезапно пробудился волк.

Виталий Парфенов

НА ПРИКОЛЕ

Он побывал во всех морях,
Все страны повидал.
Теперь на мертвых якорях
У этой стенки стал.

И с завистью глядит туда,
Где краны спины гнут.
Где под винтом кипит вода,
Форштевни волны мнут.

Ему не выти больше в рейс.
Ему пора на слом.
Он скоро станет лентой рельс,
Комбайном и станком.

Ему не страшно умирать.
Он оживет в литье
И жизнь большую продолжать
Вновь будет на земле.

Но хочет он еще хоть раз
Узнать машины дрожь
И волн искрящийся алмаз
Взять на форштевня нож.

Людмила Барбас

ДВА РОЖДЕНИЯ

*«В заволжской степи, где скоро
начинается сооружение
Сталинградской ГЭС,
рождается новый город –
строителей гидростанции.
В городе, который еще не имеет
названия, уже родилось 59
маленьких граждан».*
(Из газет)

На окне от ветра шевелится
Марлевый прозрачный лепесток.
Это папа выстроил больницу,
Чтобы ты родился в ней, сынок.

За окошком город – твой ровесник,
Кирпичи да балки, да асбест;
За окошком – стройка и, как в песне,
Степь да степь на сотни верст окрест.

И встают, румянясь от заката,
Жаль, что ты не видишь, слишком мал,
Новые дома из силиката –
Самый первый в городе квартал.

И когда темнеет, ярким светом
Окна тех домов освещены.
Говорят, что людям всей планеты
Их огни далекие видны.

И отцы, и матери – все вместе
Не жалели сил, чтоб он возник –
Город, что не назван, не известен,
Так еще от роду невелик...

Подрастай скорее нам на смену,
И поймешь значенье этих строк.
На земле с тобой одновременно
Коммунизм рождается, сынок.